Художник твоих Кошмаров

Тамара М

18+

Тамара М

Художник твоих кошмаров.

«Автор»
2026

М Т.

Художник твоих кошмаров. / Т. М — «Автор», 2026

АннотацияНа месте первого убийства не было ни крови, ни следов борьбы. Только тело мужчины с застывшей маской ужаса на лице и лист бумаги, испещрённый хаотичными чёрными и синими линиями. В углу — аккуратная надпись: «Первый».Следователь Антон Кравцов, измученный бессонницей и собственными демонами, сразу понимает: это не просто рисунок. Это приговор. Вскоре становится ясно, что жертвы умирают от своих самых глубоких, самых тёмных страхов. Мужчина, боявшийся темноты, умирает в чёрной комнате. Женщина, панически боявшаяся воды, захлёбывается в сухой квартире. А рядом с каждым телом — новый рисунок.Все жертвы посещали один и тот же закрытый психологический кружок для людей с фобиями. Кто-то из них — или тот, кому они доверяли — знает их страхи изнутри. И этот кто-то не просто убивает. Он рисует их кошмары. Когда Кравцов находит рисунок с его собственным лицом, искажённым в немом крике, охота превращается в выживание. Ведь у него тоже есть страх. И художник уже взялся за кисть.

© М Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2. 8
Глава 3. 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Тамара М
Художник твоих кошмаров.

Глава 1

Заброшенный цех старого лакокрасочного завода встречал их тишиной, которая была хуже любого шума. Это была не просто тишина — это была густая, вязкая субстанция, заполнявшая лёгкие при каждом вдохе. Она давила на барабанные перепонки, заставляя сержанта Иванова то и дело оглядываться через плечо. Ветер, гулявший под проржавевшей крышей, издавал звуки, которые невозможно было объяснить физикой: то протяжный, леденящий душу вой, словно где-то в глубине бетонных лабиринтов умирало от боли призрачное существо, то тихий, почти человеческий шёпот, который смолкал, стоило прислушаться.

Запах был ещё хуже. Сырость и ржавчина — это понятно, к этому привыкаешь. Но под ними прятался четвёртый, самый тонкий и самый тошнотворный слой: сладковато-приторный, с металлическим привкусом, как будто воздух пропитался чем-то разлагающимся, но ещё живым. От него сводило желудок, и во рту появлялся привкус меди. Иванов старался дышать ртом, но холодный воздух обжигал горло, а запах всё равно проникал внутрь, оседая на языке.

Луч фонарика выхватывал из темноты куски битого кирпича, мотки гниющего кабеля, лужи, в которых отражалось хмурое питерское небо, заглядывающее сквозь дырявую крышу. Тени метались по стенам, и в их кривых очертаниях чудились силуэты — то ли крысы, то ли что-то крупнее. Сержант слышал, как где-то капает вода: монотонно, размеренно, с ужасающей пунктуальностью. Кап. Кап. Кап. Каждый звук отдавался в пустом цехе гулким эхом, и от этого казалось, что за тобой кто-то идёт, шаг в шаг, прячась за колоннами.

— Товарищ капитан, — тихо позвал сержант, и его собственный голос прозвучал чужим, словно украденным у кого-то другого. — Он здесь.

Капитан Сорокин, приехавший на вызов первым, стоял на корточках в самом центре пустого пространства, окружённый бетонными колоннами. В свои пятьдесят он сохранил редкую для мужчины его возраста стать — широкие плечи, прямая спина, ни грамма лишнего веса. В юности он наверняка пользовался успехом у женщин: правильные черты лица, высокий лоб, волевой подбородок с едва заметной ямочкой. Волосы у него были густые, с проседью, но всё ещё тёмные на висках, коротко стриженные, с аккуратной проплешиной на макушке, которую он тщетно пытался зачесать. Лицо обветренное, с глубокими морщинами у губ и глаз, но это не портило его — наоборот, придавало благородную суровость. Под глазами залегли тяжёлые мешки, выдававшие многолетнюю привычку к ночным вызовам и крепкому кофе, а в уголках рта пряталась горькая складка. Взгляд серо-голубых глаз был цепким, но в нём читалась какая-то глухая, застарелая тоска.

На безымянном пальце правой руки не было кольца, но кожа под ним оставалась светлее — след от многолетнего ношения, которое он снял не так давно. Одиночество сквозило в каждой детали: в старой кожаной куртке, потёртой на локтях, но всё ещё сидевшей идеально; в том, как он машинально касался пустого места на пальце, словно проверяя, там ли ещё эта фантомная тяжесть; в том, как его голос, когда он говорил, звучал ровно и сухо, без лишних эмоций — так говорят люди, привыкшие к тишине собственной квартиры.

Он не обернулся, только махнул рукой, приказывая подойти ближе.

Тело лежало на спине, раскинув руки, словно человек в последний момент пытался ухватиться за воздух. Мужчина, на вид около сорока, в дорогом, но теперь безнадёжно испорченном грязью темно-синем пальто с бархатным воротником. Под пальто виднелся светлый кашеми-

ровый свитер и мятая рубашка с ослабленным узлом галстука. На ногах — кожаные ботинки, один из которых соскочил и валялся в стороне, словно мертвец пытался бежать, но споткнулся.

— Боже... — выдохнул Иванов, когда луч его фонаря скользнул по лицу мертвеца.

Это было не просто лицо. Это была маска абсолютного, первобытного ужаса. Кожа приобрела странный серовато-восковой оттенок, как у манекена, и казалась натянутой до предела. Глаза были распахнуты так широко, что казалось, вот-вот лопнут глазные яблоки. Белки были испещрены лопнувшими капиллярами, а зрачки расширены до предела, словно он смотрел в бездну. Рот искривлён в немом, беззвучном крике, обнажая зубы — желтоватые, с застрявшими волокнами чего-то, что он жевал перед смертью. Губы посинели и были стянуты, словно он пытался вдохнуть, но не мог. На лбу и висках вздулись вены, а на шее отчётливо проступили сухожилия. Пальцы рук скрючены, как птичьи лапы, ногти впились в ладони, оставив на коже глубокие полумесяцы следов — он умирал в страшных муках, но не от боли физической, а от чего-то, что было хуже.

— Что с ним? — прошептал сержант, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. — Его что, пытали?

— Не похоже, — мрачно отозвался Сорокин, поднимаясь. — Ни следов борьбы, ни крови, ни синяков. Одежда цела. Бумажник в кармане — четыре тысячи наличкой и карты. Грабеж отпадает.

Иванов посветил на руки мертвеца. Пальцы скрючены, как птичьи лапы. И именно тогда сержант заметил, что правая рука мужчины судорожно сжимает какой-то лист бумаги.

— Что это у него?

Сорокин поморщился, натягивая резиновые перчатки.

— Сам хотел бы знать.

Он осторожно, миллиметр за миллиметром, разжал пальцы трупа. Из них выскользнул обычный лист формата А4, слегка помятый. Капитан посветил на него фонариком.

Иванов подошёл ближе, заглядывая через плечо начальника.

На белом листе не было ни слов, ни ровных линий. Это был хаос. Безумное, лихорадочное сплетение чёрных и синих чернил. Линии накладывались друг на друга, образуя плотный клубок, который, если долго смотреть, складывался в искажённое изображение человеческого лица. Огромный, чёрный провал рта, заштрихованный с такой силой, что бумага в этом месте почти протёрлась насквозь. Глаза — просто рваные дыры.

Рисунок был пропитан какой-то звериной, конвульсивной злобой и страхом.

— Это он сам нарисовал? — спросил сержант, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Сорокин молча перевернул лист. На обратной стороне, в самом углу, тонкой, аккуратной, совершенно не вяжущейся с этим безумием линией было выведено одно слово:

«Первый».

Капитан медленно поднял глаза на сержанта. И в этот момент тишина вокруг них изменилась. Ветер под крышей стих, словно кто-то сжалился и дал им минуту передышки. Но вместо облегчения пришло другое чувство — ощущение, что за ними наблюдают. Иванов почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он резко обернулся, осветив фонариком пустое пространство за спиной. Никого. Только тени, которые, казалось, шевельнулись, прежде чем замереть.

— Товарищ капитан... — начал он, но осёкся.

Сорокин тоже смотрел не на рисунок. Он смотрел в темноту, туда, где за пределами освещённого круга начинался лабиринт из бетона и ржавчины. Его лицо оставалось спокойным, но рука медленно потянулась к кобуре.

— Кто здесь? — тихо, но твёрдо спросил он.

Ответом была тишина. Но это была не та тишина, что в начале. Теперь в ней слышалось дыхание — частое, поверхностное, словно кто-то стоял совсем рядом и боялся выдать себя. Иванов почувствовал, как холодный пот течёт по позвоночнику. Он хотел что-то сказать, но голос застрял в горле.

А потом, где-то в глубине цеха, раздался звук. Тихий, но отчётливый. Шорох. Словно по бетонному полу провели чем-то тяжёлым. И сразу после этого — едва уловимый, но безошибочно узнаваемый запах. Чернила. Свежие, художественные чернила, тот самый резкий, химический аромат, который не спутаешь ни с чем.

Сорокин резко выпрямился, и его голос прозвучал гулко, отражаясь от стен:

— Милиция! Выходите с поднятыми руками!

Ответа не было. Только ветер снова завыл под крышей, и где-то вдалеке, за пределами завода, тревожно залаяла собака. Иванов посветил фонариком в сторону шороха. Луч выхватил из темноты стену, колонну, лужу... и на секунду ему показалось, что в отражении воды мелькнуло что-то. Тень. Или просто игра света.

Но когда он моргнул, там уже ничего не было.

— Уходим, — коротко бросил Сорокин, и в его голосе впервые за всё время прозвучала тревога. — Оцепление по всему периметру. Живо.

Они двинулись к выходу, и Иванов не мог избавиться от ощущения, что кто-то провожает их взглядом. Смотрит из темноты, не мигая, и ждёт. На улице, под моросящим дождём, сержант наконец выдохнул, но руки всё ещё дрожали. Он обернулся. В чёрных окнах завода не было ни огонька, но ему показалось, что в одном из них, на третьем этаже, мелькнул силуэт. Человек. Или то, что когда-то было человеком.

А в кармане капитана Сорокина лежал рисунок, который ещё минуту назад сжимал мертвец. И хотя капитан не верил в мистику, он не мог отделаться от мысли, что это только начало. Художник уже взялся за кисть. И следующим холстом мог стать любой из них.

Глава 2.

Квартира на Петроградской стороне Антона Кравцова стала уже привычной, въевшейся в стены тишиной. Это была не просто тишина — это была пустота, которую он сам создал вокруг себя за последние полтора года. Двухкомнатная берлога на четвёртом этаже старого дома с высокими потолками и скрипучими половицами. Обои в мелкий цветочек, выцветшие до состояния бледной немощи, местами отходили от стен, обнажая серую штукатурку. В углу гостиной стоял старый диван, продавленный ровно посередине — там, где он проводил бессонные ночи, глядя в потолок. На журнальном столике — три пустые чашки из-под кофе, пепельница, полная окурков, и початая бутылка виски, к которой он не притрагивался уже неделю. Пыль лежала на полках тонким слоем, словно пепел после пожара.

Свет он не включал. Привык ориентироваться в темноте. За окном моросил мелкий, въедливый дождь, размывающий огни уличных фонарей в бледные жёлтые пятна. Отблески скользили по потолку, создавая иллюзию движения. Кравцов сидел на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу. В руках — остывшая чашка с горьким кофе, который он не пил, а только держал, чтобы чем-то занять руки.

Он не спал третьи сутки.

Это не было осознанным выбором. Просто каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ним вспыхивала стена огня. Он слышал звон стекла, запах горелой резины и собственный крик, застрявший где-то в горле. Прошло полтора года с тех пор, как машина его напарника взлетела на воздух, но время не лечило. Время лишь притупляло рефлексы, превращая боль в тупую, ноющую пустоту где-то под рёбрами.

В свои тридцать пять Кравцов выглядел на сорок. Под серыми глазами залегли глубокие тени, короткие тёмные волосы торчали в разные стороны, на щеках — колючая щетина. Он был худ, но не от природы — просто забывал есть. Одежда висела на нём мешковато: старая футболка с растянутым воротом, домашние штаны, на коленях протёртые до дыр. На левой руке, чуть выше запястья, белел тонкий шрам — напоминание о том дне, когда он пытался вытащить напарника из горящей машины.

Напарника звали Дима Ветров. Двадцать восемь лет. Жена, дочь трёх лет. Кравцов до сих пор не мог заставить себя удалить его номер из телефона. Иногда, в особенно тёмные ночи, он набирал его, слушал гудки и представлял, что вот-вот услышит знакомый голос. Но в трубке всегда звучало механическое: «Абонент недоступен».

Он сделал глоток остывшего кофе. Горько. Как всё в последнее время.

В зеркале напротив, тускло отражавшем свет уличных фонарей, он видел своё лицо — серое, осунувшееся, с глазами человека, который забыл, что такое покой. Иногда ему казалось, что в отражении он видит не себя, а кого-то другого. Кого-то, кто прячется за его спиной. Но когда он оборачивался, там никого не было. Только тени, которые шевелились сами по себе, и тишина, которая звенела в ушах.

В кармане пиджака завибрировал телефон. Кравцов поморщился, но всё же ответил.

— Кравцов, — голос прозвучал хрипло, как у незнакомца.

— Антон Андреевич, простите за раннее время, — раздался в трубке взволнованный голос дежурного. — Тут это... на лакокрасочном заводе на Обводном. Труп. Странный.

— Страннее, чем обычно? — Кравцов отставил чашку. — Обычные дежурные на такие вызовы не ездят.

— Капитан Сорокин уже там. Говорит, нужен именно вы. Мужчина умер от остановки сердца, но лицо... — Дежурный запнулся. — Говорит, вы должны увидеть сами. И там ещё рисунок.

— Что за рисунок? — Антон нахмурился, чувствуя, как по спине пробежал холодок, не связанный с ночной прохладой.

— Не знаю, как объяснить. Какие-то каракули. Но Сорокин говорит, что это вещдок.

Кравцов вздохнул, потирая виски. Голова раскалывалась от усталости. Может быть, работа — единственное, что держало его в этом мире. Без неё он бы давно уже скатился в ту бездну, которая манила его каждую ночь.

— Адрес, — коротко бросил он, поднимаясь с подоконника.

Он одевался механически, не глядя. Джинсы, свитер, куртка. В кармане куртки — пачка сигарет и зажигалка. Он не помнил, когда начал курить, но это стало ещё одной привычкой, которая помогала заполнить пустоту.

Выйдя в подъезд, он на секунду замер. На лестничной клетке царил полумрак, и где-то на верхнем этаже скрипнула половица. Кравцов поднял голову. Никого. Только тени на стенах, длинные и кривые, словно чьи-то вытянутые руки. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, и быстро спустился вниз.

Улица встретила его холодом и сыростью. Дождь усилился, превращаясь в мелкую водяную пыль, которая оседала на лице, волосах, одежде. Кравцов сел в свой старый, видавший виды «Форд», прикурил и завёл двигатель. Машина заворчала, словно нехотя соглашаясь ехать.

Через двадцать минут он уже мчался по пустым, мокрым улицам города. Дворники методично смахивали воду со стекла, но она тут же возвращалась, размывая очертания домов. Антон курил, опустив стекло, чтобы холодный ветер хоть немного прояснил разум. В зеркале заднего вида отражались красные точки светофоров, похожие на чьи-то злые глаза.

Он знал этот взгляд. Взгляд, который преследовал его в каждом кошмаре. Взгляд человека, который умирает, но ещё не понимает, что случилось.

Машина свернула к тёмной арке завода, и Кравцов почувствовал, как в кармане, где лежал блокнот, что-то неприятно отдавило бедро. Он не придал этому значения. Пока что.

Он припарковался у ворот, рядом с машинами патрульных. Внутри цеха уже горели галогеновые лампы, разгоняя мрак. Кравцов вышел из машины, и на секунду ему показалось, что воздух вокруг дрожит — как бывает в жаркий день над раскалённым асфальтом. Но сейчас была ночь, холод, и это было невозможно. Он списал это на усталость.

У входа в цех его встретил сержант Иванов — молодой парень с бледным лицом и глазами, в которых застыл ужас. Он курил, но сигарета дрожала в его пальцах.

— Товарищ капитан... — начал он, но Кравцов перебил его:

— Где Сорокин?

— Внутри. Ждёт вас.

Кравцов шагнул в цех, и его обдало запахом сырости, ржавчины и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного, от чего желудок сжался в комок. Он достал фонарик, хотя внутри уже горели лампы, и двинулся вперёд, к центру помещения, где виднелась фигура капитана.

Сорокин стоял, глядя на тело, лежащее на полу. Кравцов подошёл ближе и увидел лицо мертвеца.

И в этот момент всё вокруг словно замерло.

Кравцов смотрел на застывшую маску ужаса, на распахнутые глаза, на искривлённый в немом крике рот, и чувствовал, как что-то внутри него самого сжимается в тугой узел. Он знал этот взгляд. Он видел его каждую ночь в своих кошмарах. Это был взгляд человека, который встретил то, что невозможно объяснить. То, что живёт в темноте и приходит, когда ты меньше всего этого ждёшь.

В голове Кравцова вспыхнуло воспоминание: Дима Ветров, пристёгнутый к сиденью, смотрит на него сквозь разбитое стекло, и в его глазах — тот же ужас. Тот же немой крик.

— Антон, — голос Сорокина вырвал его из оцепенения. — Ты в порядке?

Кравцов моргнул. Он не помнил, как подошёл к телу. Не помнил, как взял в руки пластиковый пакет с рисунком. Он смотрел на хаотичное сплетение чёрных и синих линий, на искажённое лицо, и чувствовал, как что-то холодное и липкое, словно паутина, опутывает его изнутри.

— Да, — ответил он, но голос прозвучал глухо, словно из-за стены. — В порядке.

Он перевернул рисунок. На обратной стороне, в углу, тонкой аккуратной линией было выведено слово: «Первый»....А в кармане куртки лежал блокнот, и Кравцов вдруг вспомнил, что не помнит, где находится его любимая синяя перьевая ручка.В этот момент у входа в цех послышались торопливые шаги, и в проёме показалась фигура в тёмно-синей куртке с медицинским чемоданчиком. Девушка. Молодая, лет двадцати восьми, с острыми чертами лица и собранными в тугой хвост каштановыми волосами. На ходу она натягивала резиновые перчатки, и её движения были отточенными, без лишней суеты.— Прошу прощения за задержку, — бросила она, не поднимая глаз. — Пробки на мосту.Сорокин кивнул ей, как старой знакомой.— Полина Андреевна, наконец-то. Тело здесь.Она подошла к трупу, присела на корточки и раскрыла чемоданчик. Кравцов наблюдал за ней со стороны. В её взгляде не было ни страха, ни брезгливости — только холодный профессионализм. Она осмотрела лицо мертвеца, задержалась на глазах, на искривлённом рте, потом взяла термометр и принялась измерять температуру.— Остановка сердца, — проговорила она, не оборачиваясь. — Но не инфаркт. Слишком много адреналина. Такое чувство, что он умер от страха.— Уже слышали, — мрачно отозвался Кравцов.Полина подняла на него глаза. Серые, внимательные, чуть насмешливые. Оценивающий взгляд, словно она видела его насквозь — и усталость, и бессонницу, и то, что он прятал за фасадом.— Вы, должно быть, Кравцов? — спросила она.— Должно быть.Она не стала развивать тему. Вернулась к работе, что-то записала в блокнот, потом кивнула санитарам, ожидавшим у входа.— Забирайте.Двое мужчин в тёмной форме подошли с чёрным пластиковым мешком. Кравцов смотрел, как они укладывают тело, как застёгивают молнию, скрывая лицо, искажённое ужасом. Мешок подняли и понесли к выходу. Звук шагов отражался от бетонных стен, и в этом звуке было что-то окончательное, словно точка в предложении.Кравцов вышел следом.На улице его обдало холодом и водой. Дождь хлестал с такой силой, что, казалось, небо разверзлось, решив смыть с города всю грязь и весь ужас этой ночи. Струи били по лицу, по плечам, заливали за воротник. Ветер гнул деревья, срывал с них последние листья, швырял в лицо мокрый мусор. Лужи под ногами вспухали пузырями и лопались с тихим шипением. Где-то вдалеке прогремел гром, раскатистый, тяжелый, и небо на секунду озарилось бледной вспышкой, выхватив из темноты силуэт завода с его чёрными окнами.Кравцов стоял под дождём, не двигаясь, позволяя воде стекать по лицу. Он смотрел, как санитары загружают мешок в машину скорой помощи. Дверь захлопнулась с глухим стуком. Машина медленно выехала с территории, и её красные огни растворились в пелене дождя.Сорокин подошёл к нему, тоже промокший насквозь.— Поедешь домой? — спросил он, перекрикивая ветер.Кравцов не ответил. Он смотрел на завод, на тёмные окна, и чувствовал, как что-то внутри него сжимается в тугой узел. Он не мог избавиться от ощущения, что кто-то провожает его взглядом. Смотрит из темноты, не мигая, и ждёт.— Кравцов? — окликнул Сорокин.— Да, — наконец отозвался он. — Поеду.

Кравцов сел в машину, но не сразу завёл двигатель. Он смотрел на свои руки, лежащие на руле, и видел, как они трясутся. Мелкая, противная дрожь, которая не проходила. Он сжал пальцы в кулаки, до боли, до хруста, пытаясь остановить это.

Перед глазами снова вспыхнуло лицо Димы. Его немой крик. Его глаза.

— Прости, — прошептал Кравцов в тишину салона. — Прости меня.

Ответа не было. Только дождь стучал по крыше, и где-то вдалеке выла собака. А в кармане куртки лежал блокнот, и Кравцов вдруг вспомнил, что не помнит, где находится его любимая синяя перьевая ручка.

Он завёл двигатель и медленно выехал с территории завода. В зеркале заднего вида отражались тёмные окна, и на секунду ему показалось, что в одном из них всё ещё горит свет. Слабый, синеватый, словно от чернил.

Кравцов отвернулся и нажал на газ.

Но чувство, что за ним наблюдают, не проходило. Оно осталось с ним, когда он ехал по пустым улицам, когда парковался у дома, когда поднимался по лестнице в свою квартиру. Оно осталось с ним.

Он медленно опустил руку в карман куртки и нащупал там что-то, чего не было раньше.

Лист бумаги.

Он вытащил его и поднёс к свету уличного фонаря.

На белом листе, чёрными и синими чернилами, было нарисовано его собственное лицо. Искажённое в немом крике.

А в углу, тонкой аккуратной линией, было выведено слово:

«Следующий».

Глава 3.

Кравцов стоял посреди тёмной комнаты, держа в руках лист бумаги, и чувствовал, как пол уходит из-под ног. В висках стучало. Он ещё раз перечитал слово, выведенное в углу аккуратным, почти каллиграфическим почерком.

«Следующий».

Это было не предупреждение. Это было приглашение.

Он бросил взгляд на дверь. Заперта. На окна. Закрыты. Он жил на четвёртом этаже, и единственный путь в квартиру — через лестничную клетку, которую он бы точно услышал. Никто не входил. Никто не выходил. Но рисунок был здесь. В его кармане. И Кравцов не помнил, как он там оказался.

Он медленно опустился на диван, не сводя глаз с листа. Лицо на рисунке было его собственным — он узнал линию подбородка, форму носа, даже родинку над левой бровью. Но глаза... Глаза были чужими. Распахнутые, полные ужаса, они смотрели на него с бумаги, словно умоляя о чём-то. И рот — огромный, чёрный провал, заштрихованный до состояния хаоса, в котором не было ни звука, ни надежды.

Кравцов провёл пальцем по линиям. Чернила были свежими. Они ещё слегка липли к коже, пахли химией и чем-то ещё — слабым, едва уловимым запахом, который он не мог идентифицировать. Может быть, это был запах страха. Он усмехнулся про себя. Нет, страх не пахнет. Страх — это просто химия в мозгу, набор реакций, которые заставляют сердце биться быстрее, а ладони — потеть. Он знал это лучше многих.

Телефон завибрировал. Кравцов вздрогнул и посмотрел на экран. Сорокин.

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты как? — Голос капитана был хриплым, усталым. — Доехал?

— Доехал.

— Слушай, я тут подумал... — Сорокин помолчал, словно подбирая слова. — Рисунок. Тот, что был у трупа. Я отправил его на экспертизу. Но там что-то странное с чернилами. Наши лабораторные говорят, что состав нестандартный. Им нужно время.

— Сколько?

— День, может, два. — Сорокин снова помолчал. — Кравцов, я знаю, что ты не спал. Ты выглядел как призрак на заводе. Может, тебе стоит...

— Я в порядке, — перебил Кравцов. — Завтра с утра начнём с биографии жертвы. Кто он, чем занимался, кто мог желать ему смерти.

— Хорошо, — согласился Сорокин, но в его голосе слышалось сомнение. — Но если что-то почувствуешь... странное. Звони. В любое время.

— Договорились.

Кравцов положил трубку и посмотрел на рисунок. Потом на свою руку. На пальцах остались синие и чёрные разводы. Он поднёс их к лицу и понюхал. Запах был резким, маслянистым. Художественные чернила. Такие он видел в магазинах для художников — дорогие, профессиональные, с высокой пигментацией. Не то, что можно купить в обычном канцелярском магазине.

Он встал и прошёл на кухню. Включил свет, зажмурился от резкой вспышки. На столе — грязная чашка, пепельница, вчерашняя газета. Ничего необычного. Но когда он открыл ящик с приборами, чтобы достать чистую ложку, его взгляд упал на что-то в глубине, за столовыми ножами и вилками.

Ручка. Его любимая синяя перьевая ручка. Та самая, которую он искал последние три дня и не мог найти.

Кравцов замер. Потом медленно достал её. Ручка была тяжёлой, с металлическим корпусом и золотым пером. Он открутил колпачок и посмотрел на кончик. На нём засохли чернила. Синие. Те самые.

Он стоял на кухне, держа ручку в руках, и чувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он не помнил, как эта ручка оказалась в ящике. Он вообще не помнил, как она могла там оказаться, потому что всегда держал её в кармане пиджака. И уж точно он не рисовал эти картины. Не мог рисовать. У него никогда не было ни таланта, ни желания.

Но чернила были те же. И ручка была его.

Кравцов посмотрел на своё отражение в тёмном окне. Из зеркала на него смотрел человек с серым лицом и глазами, в которых застыл страх. Он не узнавал себя. И в этот момент ему показалось, что в отражении, за его спиной, кто-то стоит. Тень. Или просто игра света.

Он резко обернулся. Кухня была пуста. Только тени, которые шевелились сами по себе, и тишина, которая звенела в ушах.

Кравцов сжал ручку в кулаке. Потом положил её на стол и отошёл на шаг. Он не знал, что делать. Позвонить Сорокину? И сказать что? Что нашёл свою ручку, которой, возможно, был нарисован тот самый рисунок? Что он не помнит, как провёл последние три дня? Что в его голове — дыры, в которых прячется что-то тёмное и голодное?

Он сел на табуретку и уставился на ручку. Она лежала на столе, поблёскивая металлом, и в её блеске ему чудилось что-то зловещее.

Часы на стене пробили пять утра. За окном начинало светлеть. Дождь прекратился, оставив после себя мокрые улицы и туман, который поднимался от земли, окутывая город серой пеленой.

Кравцов встал. Он принял решение. Он не будет звонить Сорокину. Пока не будет. Сначала он сам во всём разберётся. Он найдёт ответы. Даже если для этого придётся заглянуть в самые тёмные углы собственного сознания.

Он взял ручку, положил её в карман куртки — туда, где она должна была быть, — и вышел из квартиры.

На улице туман встретил его объятиями. Он был густым, как молоко, и скрывал всё, что находилось дальше вытянутой руки. Кравцов шагнул в него, и ему показалось, что он входит в другой мир. Мир, где нет правил, где тени живут своей жизнью, а рисунки могут убивать.

Он шёл по пустым улицам, не зная, куда идёт. Просто шёл, позволяя ногам нести его. И где-то в глубине души, в самом тёмном её уголке, он чувствовал, что этот путь уже предопределён. Что кто-то уже нарисовал его будущее.

И это будущее заканчивалось немым криком.

К зданию городского морга Кравцов подъехал к семи утра. Он не планировал этого, но ноги сами привели его сюда. Или не ноги. Что-то другое. Что-то, что сидело внутри и тянуло его к мёртвым телам, к их молчаливым историям.

У входа его встретила Полина Ветрова. Она стояла, прислонившись к стене, с чашкой кофе в руках, и смотрела на него с тем же оценивающим выражением, что и на заводе. Только теперь в её глазах было что-то ещё. Любопытство. Или настороженность.

— Вы рано, — сказала она вместо приветствия.

— Не спалось, — ответил Кравцов.

— Я заметила. — Она оттолкнулась от стены и кивнула в сторону двери. — Идёмте. Я как раз закончила с вашим трупом.

— С моим? — Кравцов нахмурился.

— С трупом с завода. — Полина усмехнулась. — Простите, неудачная шутка. Профессиональное.

Они вошли в здание. Внутри пахло формалином, холодом и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, от чего у Кравцова сжался желудок. Полина шла впереди, уверенно, словно

знала каждый коридор наизусть. Кравцов следовал за ней, стараясь не смотреть по сторонам. Но взгляд всё равно цеплялся за металлические двери с номерами, за каталки, на которых лежали тела, накрытые простынями.

— Вот, — Полина остановилась у одной из дверей и толкнула её. — Входите.

Внутри было холодно. Слишком холодно. Кравцов поёжился. Полина подошла к столу, на котором лежало тело, и откинула простыню. Лицо мертвеца было всё таким же — застывшая маска ужаса, распахнутые глаза, искривлённый рот.

— Я провела вскрытие, — начала Полина, и её голос стал деловым, сухим. — Причина смерти — остановка сердца. Но сердце было здоровым. Никаких патологий, никаких инфарктов. Просто... остановилось. Как будто кто-то нажал выключатель.

— Что могло это вызвать? — спросил Кравцов.

— Стресс. Сильнейший, запредельный стресс. В крови — огромное количество адреналина и кортизола. Такой уровень бывает у людей, которые пережили... — она помолчала, подбирая слово, — нечто ужасающее. То, что мозг не смог обработать. То, что сломало его.

Кравцов смотрел на лицо мертвеца. На его застывший крик.

— Он что-то видел, — сказал он тихо. — Что-то, чего не должно было быть.

— Именно, — кивнула Полина. — И ещё одна деталь. — Она взяла со стола прозрачный пакет с рисунком. — Я отдала его на экспертизу. Чернила — художественные, на масляной основе. Но есть примесь. Что-то органическое. Я пока не могу определить, что именно. Но это не обычные чернила. В них что-то добавлено.

— Что-то, что могло вызвать... — Кравцов запнулся.

— Галлюцинации. Панику. Ужас. — Полина посмотрела на него внимательно. — Это не просто рисунок, Кравцов. Это оружие. Кто-то создал чернила, которые воздействуют на мозг. И использует их, чтобы убивать.

Кравцов почувствовал, как холодный пот снова стекает по спине. Он вспомнил рисунок, который нашёл в кармане. Вспомнил чернила, которые липли к пальцам, запах, который не мог идентифицировать.

— Вы можете определить состав? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я работаю над этим. — Полина убрала пакет обратно на стол. — Но это займёт время. Мне нужны образцы. Больше, чем один рисунок.

Кравцов молчал. Он думал о том, что у него в кармане лежит ручка, которой, возможно, был нарисован этот рисунок. И ещё один — тот, что он нашёл дома. Он не мог отдать их. Не сейчас. Сначала он должен понять, что происходит.

— Держите меня в курсе, — сказал он, поворачиваясь к выходу.

— Кравцов. — Полина окликнула его. Он обернулся. — Вы выглядите так, будто сами не спали неделю. И у вас глаза человека, который что-то скрывает. Я не знаю, что именно. Но если вы что то знаете.. — она кивнула на тело, — то лучше расскажите мне. Пока не стало слишком поздно.

Кравцов посмотрел на неё. На её серьёзное лицо, на внимательные глаза. На секунду ему захотелось рассказать всё. Про рисунок, про ручку, про провалы в памяти. Но что-то внутри него — что-то тёмное и осторожное — остановило его.

— Я в этом не замешан, — сказал он. — Я просто устал.

Он вышел из морга и снова окунулся в туман. Город тонул в нём, словно в молоке, и Кравцову показалось, что он слышит чей-то шёпот. Тихий, вкрадчивый, на грани слышимости. Он обернулся. Никого. Только туман, который скрывал всё — и прошлое, и будущее.

Кравцов достал из кармана ручку и посмотрел на неё. Синие чернила на кончике пера уже высохли, но запах остался. Тот самый запах. Художественные чернила. С примесью чего-то органического.

Он сжал ручку в кулаке и зашагал прочь. Туман поглотил его, и на секунду ему показалось, что он растворяется в нём. Становится частью этого серого, безмолвного мира.

А где-то в глубине тумана, в переулке, которого не было на карте, стоял человек. Он смотрел на удаляющуюся фигуру Кравцова и улыбался. В руке он держал лист бумаги. На нём чёрными и синими чернилами было нарисовано новое лицо.

Лицо Полины Ветровой.

И в углу, тонкой аккуратной линией, было выведено:

«Второй».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.